

Бог посмотрел на все, что Он создал,
и все было очень хорошо.

Книга Бытия, глава 1, стих 31
(новый русский перевод)

I

Нобелевский лауреат профессор Афа Асури еще раз пожал руку молоденькой переводчице Ингрид и вышел из отеля. Человек у такси аккуратно складывал саквояж и несколько пакетов в пластиковый бокс, служитель гостиницы важно стоял наготове с печатью в руках. Ловко хлопнув липкой лентой и штампом по белому пластику, служитель по-дружески отдал честь новоиспеченному лауреату.

Дверь автомобиля учтиво придерживал мужчина от администрации отеля — ему предстояла почетная миссия проводить Асури прямо до трапа самолета. И как ни убеждал Афа, что ему гораздо удобнее добраться до аэропорта вместе с Ингрид, правила были незыблемы даже для такого важного гостя. Хотя, боже мой, сколько лауреатов, президентов и гениев перевидал этот отель!

Такси мягко двинулось по красному ковру, расстеленному вплоть до миниатюрного складного шлагбаума, и исчезло в потоке своих собратьев. Афа смотрел в окно на мелькающую северную архитектуру, вынужденно слушая подробную инструкцию работника отеля. Подняв очки на уже влажный от ответственности лоб, менеджер скороговоркой и почти шепотом прочитал все слова, цифры и даже мелкошрифтное предостережение о провозе нежелательного багажа. Отложив билет, работник отеля достал еще один листок — ксерокопию индивидуальной карточки профессора Асури, прошептал идентификационный номер, сличил его с цифрами на авиабилете, отер лоб платком шотландской расцветки,

восстановил положение очков и вежливо устался на Асури. Афе совсем не хотелось говорить, он прощался со Швецией, которая нечасто баловала декабрьским солнцем и сухим асфальтом даже своих жителей, что уж говорить о приезжих нобелевских лауреатах.

Премию профессор Асури получил по праву: двадцать лет он провел за письменным столом. Комиссия даже не сразу подобрала правильную номинацию: многотомная монография «Эволюция мыслительных констант Homo Sapiens» оказалась еще и прекрасной литературой, а не только сумасшедшим по своей ясности анализом человеческих привязанностей. Последний том в двух отдельных книгах вообще оказался бестселлером: в нем Афа изложил нерадостное будущее человечества (исключительно из-за потакания собственному мышлению).

Афа создал целую науку истории мышления, собрал в единый институт умы современности, куда потянулись и гранды мирового бизнеса: никому не хотелось ошибиться или просчитаться, угадывая запросы человечества.

Стокгольм кончился, и теперь только сосны иногда приоткрывали воду сразу нескольких озер, изредка мелькали одинокие домики. Съехав с трассы, такси мгновенно вернулось в урбанистику. Только теперь веяло не теплом строгой архитектуры скандинавских зодчих-минималистов, а холодным величием и независимостью — все пространство по обе стороны шоссе до аэропорта Арланда было заставлено стальными конструкциями с голубым стеклом и совсем небольшими кусочками бетона. Черный асфальт как жидкая смола разливался между билдингами — ручьи сплетались и вновь расходились. Выделялась жирная полоса, которая и тянулась к самому аэровокзалу.

Работник отеля быстро засеменял к специальной стойке регистрации и, передав билет такому же скрупулезному господину-двойнику, вежливо подтолкнул локоть Афы к стеклянным дверям

бизнес-холла. Там он распорядился принести воды и уселся напротив Асури, сложив руки на коленях. Разговаривать было не принято да и не хотелось. И Афа, и менеджер мило улыбались, когда их взгляды пересекались, — этого было достаточно. Когда объявили посадку, аккуратист провел профессора аж до первой ступеньки прохода-гармошки, спрятал за спину руки и поклонился. Асури кивнул и зашагал к салону огромного двухэтажного лайнера с музыкой, двухразовым питанием и даже небольшой порцией мороженого в честь пассажира, которого шведское королевство отметило как одного из выдающихся людей планеты. Когда ели мороженое, аплодировали и показывали большие пальцы в сторону Афы.

II

Куда бы ни летал профессор, обратный путь его лежал только через просторы России. Уже через полчаса полета Асури принял к окну и очень расстраивался, если облака надолго закрывали землю. Но даже и тогда Афа не расставался с иллюминатором, боясь пропустить малейшее прояснение, в котором может мелькнуть клочок русской земли.

Прожив без малого пятьдесят шесть лет, профессор никогда и не был в России. Даже в безумных планах его посещение этой страны было невозможным.

Профессор Афа Асури родился в Южной Америке, в Бразилии, под именем Афанасий Суриков. Его прадед (или даже еще дальше-раньше) был изгнан из своей вотчины в Тверской губернии за приверженность к старообрядческой традиции. Указом императрицы несколько десятков тысяч человек насильно были перевезены в Сибирь в наказание за упрямство. Новые поколения

староверов уже приобрели окрас сибирской воли того грубоватого оттенка характера, когда честь и достоинство уже не могут не выказываться. Большевизм, появившийся для сибиряков неожиданно, погнал староверов еще дальше — эшелонами спешно бежали в Монголию, Китай и Японию. Дед профессора, Никита Суриков, родился уже в Китае, увлекся фермерством и перебрался в Бразилию. Вот там и появился на свет его внук, нобелевский лауреат Афанасий Суриков, к тому времени уже гражданин молодой республики, поместившейся на нескольких островах недалеко от Явы и Суматры, профессор Афа Асури.

Новое имя приклеилось к нему не сразу, а уже в сознательные, но все еще юные годы, когда Афанасий выиграл грандиозный конкурс по социологии и оказался в Дубровнике. В этот город-рай свезли отменные умы со всего мира и поместили в институт-лабораторию по исследованию крупномасштабных процессов в социальной жизни человечества. Среди единомышленников едва нашлись два-три человека, которые могли безошибочно произвести фамилию Суриков. Индийский вундеркинд, поселившийся с Афанасием в одном маленьком коттедже, вообще откровенно коверкал и имя, и фамилию. Постепенно именно он утвердил иное произношение — Асури. Так оказалось удобно не только индусу, но и практически всем остальным. Афанасий Суриков превратился в Афу Асури, и, надо сказать, это пошло только на пользу — и научной, и мирской жизни профессора.

В 1991 году югославская трагедия превратила часть Дубровника в руины, и институт спешно прекратил свое существование: миру уже было не до тихого и сосредоточенного изучения самого себя. Умы разбежались по планете, а Афу пригласили в только что образовавшуюся республику, которая амбициозно возжелала создать экономический, а стало быть, и человеческий рай в крохотном пространстве своих границ.

Как и положено маленькому государству, республика с диковинным названием Байхапур состояла из огромного города

и крошечных окрестностей. К тому времени они органично сплелись с мегаполисом, так что Байхапур оказался городом-государством.

Индийский океан — это не море у Дубровника, здесь дышалось иначе. Афа Асури прижился и вот уже лет двадцать трудился на благо государства и, как следствие, на благо всей планеты. Правительство предоставило профессору Асури все возможности для создания Института мышления. Институт получил важнейшее задание — сотрудничество с киберлабораториями по созданию искусственного интеллекта. Здесь знания Афы пришлось в самую пору: никто не разбирался в чередовании констант человеческого мышления так, как он.

На Асури лежала огромная ответственность — создание логики мыслительных процессов для искусственного интеллекта. Вложение в банк данных машины обычных энциклопедических знаний, алгоритмов поведения в интеллектуальных играх ему уже казалось архаизмом, уделом американцев, которые работали на старых социальных технологиях потребностей человека в комфорте. Этот метод с самого начала был отвергнут Асури как метод вторичный, неуникальный, роботизирующий искусственный интеллект под современные нужды. Если сказать точнее, его знания и вся наука истории мышления просто-напросто опережали те «новейшие» разработки, которыми мир пользовался вот уже несколько десятков лет.

III

Афа смотрел в иллюминатор и пытался разгадать эту неизвестную страну, покрытую сплошным снегом без единой проталины. Белое безмолвное пространство прорезалось черными

верхушками деревьев. Прозрачный воздух делил ровной полосой горизонт, над которым повисло уже превращающееся в глубокую синеву небо с красно-желтыми прожилками отражения стремительно заходящего солнца. Там, куда несла его двухэтажная птица, наступал теплый вечер — без снега, без огромных сосен, без безлюдного пространства...

Рядом с профессором заворчался молодой мужчина. Он спал, утомившись пить, есть и трепаться на весь салон со своим попутчиком, который сидел рядом. Счастливая парочка летела в вечное лето, там они собирались шушукаться ночи напролет на берегу теплого океана. Не скрывая радости, они наконец-то уснули в обнимку. Это обрадовало профессора. Ни возраст, ни интересы не совпадали — говорить было не о чем. Молодость уже не вернуть, а осваивать еще одну ориентацию профессору Асури было некогда.

Афа был счастливо женат на Агриппине Азаровой. Гриппа была из потомков той же бразильской общины, а в то время, когда еще жив был отец, искать невесту где-то на стороне было не принято и даже противозаконно. Свадьбу сыграли по всем правилам тогдашнего домостроя. Афа ни о чем не жалел: жена была красива и умна. Рождение сына Кирилла по-настоящему объединило семью. В Дубровнике родители были счастливы, а в азиатском пространстве Гриппе стало неуютно. В отличие от мужа, она взяла с собой истовость верования предков, а на новом месте не нашлось даже самой захудалой церквушки, где православные могли бы служить по древнему обряду. Миссионерские постройки нового русского христианства Агриппина обходила стороной: у нее не выветрилось кровное чувство обиды за растерзанные судьбы единоверцев. Афа категорически отказывался поддерживать супругу в вопросах служения, делал он это мягко, но непоколебимо. Гриппа затосковала, и на семейном совете было решено, что жена уедет отсюда куда угодно, продолжая любить мужа бесконечно и самоотверженно. «Но

Бог должен знать, что я и его невеста», — говорила она, так что Афа проникся страданиями жены и отвез ее обратно в Бразилию. Там, в общине, никто не смог понять такого решения: им было не под силу распознать внутренние конфликты сердца, работы, веры и простой жизни. Супруги навсегда скрыли от родственников дальнейшую свою судьбу. Агриппа списалась с общиной староверов в Северной Америке и полетела в Нью-Йорк.

Кириллу, как это ни странно, нравилось — у него, уже молодого мужчины, было два дома на разных континентах. Отношения отца и матери он понимал, все трое искренне любили друг друга и еще что-то свое, важное... Гриппа — веру, Афа — искусственный интеллект, а Кирилл — музыку. Кто вложил в пальцы еще трехлетнего мальчишки скрипку — неизвестно. Старый румын-скрипач взялся бесплатно учить Кирилла, и Дубровник зачарованно затихал, когда мальчик со своим учителем в сумерках выходили на площадь. Потом начались настоящие занятия в музыкальной школе, поездки, гастроли, концерты — сын оказался замечательным скрипачом.

Сейчас Кирилл сидел в аэропорту Байхапура и ждал своего отца, чтобы обнять нобелевского лауреата первым по праву любви. Сидеть ему особо не давали корреспонденты: микрофоны и объективы мелькали перед лицом Кирилла, набирался солидный материал для репортажа о первом в государстве лауреате Нобелевской премии профессоре Афе Асури.

Через час-полтора Кирилл уже должен вылетать в Париж: концерт отменить невозможно. Но и не увидеть отца в этот вечер сын попросту не мог.

Байхапур встретил Асури теплым декабрем с мокрым от океана воздухом. У трапа профессора уже ждал аэропортовый автомобиль. Таможня заняла минуту, не больше: впереди бежала девушка в оранжевой куртке работников аэропорта

с документами профессора, надо только подойти к стойке, где уже лежал проштампованный квиток для свободного въезда в страну. Стоит сказать, что привилегии особенно ценных граждан, которые учредило высшее чиновничество Байхапура, раздражали остальных. Но все то, что касалось Асури, принималось с пониманием и даже радостью. Профессор заслужил эти маленькие прелести. В конце концов, уже вся страна знала, что у стойки рядом с таможенником стоит лауреат Нобелевской премии...

Афа вышел в холл для встречающих, где его облепили журналисты и какие-то зеваки, все улыбались, кивали каждому слову профессора, который что-то машинально говорил и смотрел поверх камер, туда, где стоял Кирилл с огромным букетом гладиолусов, любимых цветов мамы. Вопросы задавались со всех сторон, Асури не успевал отвечать. Минуты через три раздался свисток, все обернулись: седой мужчина с редкими длинными волосами в косичку остановил репортажи, раздвинул штативы, освободив пространство, протянул Афе руку. Профессор с жадностью пожал ее:

— Привет, Марек!

— Афа, солиднее, солиднее, — проговорил, почти не открывая рта, Марек Стаевски, коллега и друг профессора. — Сказал, еще кое-что сказал — и хватит... Не балуй их!

Они направились к Кириллу. Сын раскинул руки и обнял отца. Так они стояли несколько минут. Опомнившиеся репортеры защелкали вспышками и затворами, забегали с места на место, пока совсем не устали. Отец и сын, не обращая внимания, что-то шептали на ухо друг другу.

— Спасибо, коллега, — спохватился Асури, — поезжайте домой. Я задержусь и провожу сына, он скоро улетает.

Коллега склонил седую голову, в полном соответствии с этикетом этой страны, и исчез в толпе встречающих.

IV

Огромное кафе, окруженное огнями аэропорта, было пусто. Афа и Кирилл расположились у самого окна в конце зала. Сын традиционно держал футляр со скрипкой на коленях. Все давно привыкли, что он никогда не расставался с инструментом.

— Значит, так... Я тут спросил, сколько ящиков Hennessy находится в аэропорту. Побегали, посетились и ответили, что девятнадцать. — Кирилл начал издали.

Афу это нисколько не смущало, он приготовился слушать сына, только радостная улыбка чуть больше растягивала губы. Профессор, развалившись в кресле, был счастлив. Говорить не хотелось, хотелось только слушать, но Кирилл демонстративно держал паузу. Пришлось поддержать беседу.

— Смешно, — не зная, что еще сказать, выдавил Асури.

— Этот вопрос я уже задавал ранее в разных аэропортах: в Лондоне, Праге, Осло... Ну, там, конечно, аэропорты как весь Байхапур — меньше двадцати пяти ящиков не находили...

— Так... И?

— Я посчитал количество известных миру аэропортов и умножил всего на шесть литров Hennessy. Получилась цифра, которую можно достичь, только если покрыть виноградниками всю Францию тридцать четыре раза.

— Что из этого следует? — растерялся Афа.

— Ничего... Просто Hennessy я больше не пью...

Молчаливый официант не мог не слушать разговор двоих мужчин — он терпеливо ждал, когда на него обратят внимание, чтобы принять заказ.

— Две водки и два соленых яблока, пожалуйста...

Афа все понял: Кирилл был в России и провел там, кажется, больше недели. В Москве и еще каком-то городе в глубине страны. Это профессор знал, но сейчас вылетело из головы.

— Ну? Что скажешь о России? — Афа придвинулся к столику и оперся на него локтями, сцепив пальцы у подбородка.

— Россия тут ни при чем, папа. Коньяк больше не пьем: он, скорее всего, подделка. Виски надо еще проверять, а вот водку можно: пшеницы навалом на планете.

— О России что скажешь? — повторил Асури, не меняя положения. — Про водку все ясно, попробую. Если понравится, обещаю. А если, как я читал, она противная, вернусь к коньяку.

— Россия, папа, огромная и несчастная страна. Но! Может быть, и счастливая — я еще не понял... Там все смешано, понимаешь? Там никто не уважает главных людей страны, а такие, как я, скажем, музыканты, живут как студенты... У них нет денег, чтобы оплатить жилье и еду другого уровня. Но зато после концерта нас пригласили на ужин, прямо в том же здании, где проходил концерт! Не в ресторане, а в огромном зале поставили столы и разложили еду. Все ели, говорили тосты — там были разные люди. Там были даже бизнесмены, были управители города, за отдельным столом сидели инженеры, я не знаю, как правильно называется их профессия... Те, кто расставляли пюпитры, заносили рояль... Они сидели рядом с нами, потом минут через тридцать все перемешались и сидели кто где хотел... Прилично выпив, я слушал, как они ругались. Не между собой, а просто сплетничали о вышших чинах города. Я с одним парнем там поговорил немного, он мне и предложил водку — очень любознательный человек, но недоволен своей жизнью. Сказал, что он композитор, но ему приходится работать тем, кого нанимают для уборки сцены до и после концерта. И когда я спросил, как он попал на этот ужин, он сказал, что просто пришел поесть. Там, оказывается, разрешено всем людям находиться в одном месте, даже если один человек — простой рабочий, а второй — ты. Понимаешь?

Кирилл замолчал, посмотрел на часы и подозвал официанта:

— Пожалуйста, сообщите мне, когда объявят парижский рейс. Официант поклонился.

Афа молчал. Можно было бы, конечно, поддержать удивление сына, но хотелось молчать. Перед ним как раскрытая книга лежала архаичная история человеческого общежития, которое принесло столько бед планете в прошлые века, и было ясно: Россия еще далека от уровня его Байхапура.

— Нет у них возможности принять закон о рейтинге, поэтому несчастье каждого человека складывается в огромное горе всей страны. Но и тут ты можешь оказаться правым, я имею в виду их возможное счастье, — проговорил Афа.

— Да, конечно же, ты прав. Но рейтинга нет и в США, и во Франции, но там же по-другому. Там у небольшого по положению на социальной лестнице человека есть свое достоинство, очень хорошее достоинство, приятное даже. В России этого нет — есть обида и амбиции. А у важных персон есть какое-то смешное самодовольство. Знаешь, как в древних сказках про глупых вельмож. Я эти сказки часто вспоминал в Москве. Но в России вельможа может с голодным дервишем, факиром, сидеть за одним столом, понимая все, о чем говорит дервиш. Я тогда еще подумал, что они приходят специально, чтобы показать свое превосходство перед всеми. Но все-таки я обомлел, когда этот композитор (кстати, выпил он прилично) сел за рояль и стал играть свою музыку. Папа, у нас такого уровня композиторов нет, я это говорю уверенно.

— Это огромная пропасть между красивой, правильной, даже моральной жизнью и жизнью как таковой. Социум не может придумать, как обрести собственный покой и свободу для личности одновременно. Русские очень талантливые, хотя живут как наши с рейтингом ниже трешки. Понимаешь? При их ограниченности во всем, ну просто во всем с нашей точки зрения, они живут свободнее и честнее. Мы подчинены рейтингу и уже привыкли... Но это путь в никуда — застой. Духовный, что ли...

— Папа, это ты говоришь? Не верю! Ты считаешь, что твой «Лотос» не просчитал эволюцию при соблюдении рейтинга?